Тамара Преображенская



Королева..

Выжить любой ценой.

Тамара Преображенская

Королева. Выжить любой ценой.

«Автор»
2026

Преображенская Т.

Королева. Выжить любой ценой. / Т. Преображенская — «Автор», 2026

Я была наёмником. Очень хорошим наёмником. Но предательство, два выстрела и я ничто... Мне дали шанс. И я воспользуюсь им, и заодно отомщу всем, кто посмел убить маленькую невинную девочку, которой просто не повезло родиться принцессой..

© Преображенская Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Тамара Преображенская
Королева. Выжить любой ценой.

Глава 1

Дорогие читатели! Я рада видеть каждого из вас на страницах этой новой истории. Для меня всегда волнительно и радостно начинать путь вместе с вами — с первой страницы, с первого слова. И я не могу не сказать о тех, кто прошёл этот путь рядом со мной. Все мои книги написаны с огромной поддержкой моей мамы и сестры. Их вера в меня, их терпение и тепло — то, без чего этих страниц просто не было бы. Спасибо им от всего сердца. И спасибо вам, что вы здесь# Смерть пахнет вовсе не серой и не кровью, как любят врать в дешевых романах. Смерть пахнет мокрым октябрьским асфальтом, дешевым растворимым кофе из автомата в переходе и резким, тошнотворным привкусом горячей меди во рту — тем самым привкусом, что появляется, когда экспансивная пуля девятого калибра с глухим хрустом пробивает ребра и разрывает правое легкое.Я лежала в узком, заваленном мусорными баками переулке за старым складом, смотрела в низкое, затянутое свинцовыми тучами небо и не могла поверить, что все закончилось вот так. Глупо. Грязно. Без шанса на ответный выстрел.— Прости, Лена, ничего личного, — хриплый голос за спиной звучал почти буднично, словно человек передо мной не только что всадил две пули в напарницу, а просто закрыл смену в магазине. — Заказчик сказал: зачистить хвосты. Ты слишком много знаешь о счетах в Цюрихе. А мне еще детей поднимать.Я попыталась пошевелить пальцами правой руки, нащупывая рукоять метательного ножа в скрытых ножнах на предплечье. Всего одно движение. Мне нужно было только полсекунды, чтобы всадить клинок ему прямо в сонную артерию. Но тело, которое пятнадцать лет слушалось меня безупречно, вдруг превратилось в тяжелый, налитый ледяной водой мешок. Легкие с присвистом втягивали воздух, но кислорода не было. Вместо него в груди булькала горячая, липкая влага.— Сволочь… — только и смогла выдохнуть я, и из уголка рта потекло что-то теплое.Раздался сухой щелчок предохранителя, затем — глухой хлопок выстрела с глушителем. Вспышка боли в затылке была короткой, ослепительно белой, а потом мир схлопнулся, как старый зонт.Тридцать шесть лет. Пятнадцать из них я провела в тени, став идеальным инструментом. Я не просто убивала — я вживалась. Я могла месяц работать посудомойкой в элитном ресторане, улыбаться, стирать в кровь руки о жесткие щетки, чтобы в нужную секунду капнуть две капли очищенного рицина в бокал сенатора. Я знала, как сварить яд из обычного аконита, растущего у забора на даче, как метать нож вслепую, ориентируясь только на скрип половиц, как стрелять из любого ствола и как душить шелковым шнурком так, чтобы это выглядело как сердечный приступ. У меня не было семьи, не было друзей, не было прошлого. Только контракты, холодный расчет и железное правило: никогда не привязываться.И вот итог. Сдохла в луже у мусорного бака, преданная тем, кому прикрывала спину три года. Злость — острая, обжигающая, бессильная — была последним чувством, которое я унесла с собой в темноту.Темнота не была пустой. В ней не горели костры, не визжали грешники и не стояли черти с вилами. Это была бесконечная, давящая на уши тишина — вязкая, как болото, — в которой не существовало ни времени, ни тела, ни боли. Я просто была — сгустком памяти, ярости и ледяного отчаяния. Существовала как заноза в сердце мироздания, как застывший крик, которому некуда вырваться.«Неплохой послужной список, Елена. Сорок семь жизней. Ни одного промаха. Ни одной капли раскаяния».Голос не звучал снаружи — он вибрировал прямо внутри моего сознания, холодный, безликий, похожий на скрежет металла о стекло. Он вползал в самые глубины, просачивался между мыслями, и от него не было ни щита, ни преграды. Я попыталась сжаться, закрыться, спрятаться в собственную скорлупу, но в этой пустоте

нечем было закрываться — не было ни стен, ни тела, ни тени.— Кто здесь? — мысленно огрызнулась я, хотя внутри все похолодело и сжалось в тугой комок. — Если это ад, то покажите уже котлы. Ненавижу, когда тянут время.«Ад — это не котлы. Ад — это вечное повторение того, что ты причинила другим. Каждая секунда их страха, каждая капля их боли, умноженная на бесконечность. И ты заслужила его сполна».Я промолчала. Спорить было глупо, и я это понимала. Я никогда не строила из себя ангела и прекрасно знала, на что шла, когда в двадцать один год впервые взяла в руки удавку. Знала с первого вздоха, с первого взгляда в глаза тому, кто переставал дышать по моей воле.«Но в твоей книге еще не поставлена точка, — продолжил голос, и в его интонации впервые проскользнуло что-то похожее на интерес. — Есть одна душа. Маленькая, чистая, ни в чем не повинная. Ее жизнь обрывают прямо сейчас. Медленно, подло, руками тех, кто клялся ее защищать. Она слишком слаба, чтобы выжить. А ты… ты умеешь выживать там, где дохнут даже крысы».— К чему ты клонишь? — насторожилась я. Профессиональный инстинкт заработал даже здесь, на самом краю небытия, в этой выстуженной пустоте.«Сделка. Либо ты шагаешь в бездну прямо сейчас — и для тебя все закончится. Либо я отправляю тебя в ее тело. Твоя задача — сохранить ей жизнь. Не убивать ради денег, не мстить ради удовольствия, а защитить. Вырастить. Довести до того дня, когда она сможет удержать свою корону и свою жизнь. Справишься — чаша весов выровняется. Провалишься или снова превратишься в бездушного мясника — упадешь в пекло сразу, без второго шанса. Выбирай».Я не думала ни секунды. В моей профессии раздумья стоят жизни — чужой или своей, но всегда непоправимо. Даже если это ловушка, даже если впереди ждет чужой, враждебный мир, где меня не ждут и не примут, — это все равно шанс. А пока есть хотя бы один процент на выживание, я буду зубами рвать землю, царапаться, грызть, но не сдамся.— Согласна, — бросила я в темноту. — Открывай дверь.Возвращение в мир живых началось с такой дикой, разрывающей изнутри боли, что я едва не закричала — а может, и закричала, только сама не услышала.Живот скрутило так, словно внутри провернули раскаленный добела шомпол. Горло горело огнем, язык распух и прилип к небу, а перед глазами плыли мутные, багрово-черные круги, медленно вращающиеся, как вода в сливной воронке. Я попыталась сделать резкий, глубокий вдох, как учил инструктор по рукопашному бою, чтобы сбить болевой шок, — но вместо этого из груди вырвался тонкий, жалкий, сиплый хрип, переходящий в судорожный, надсадный кашель, от которого каждый мускул отозвался новой вспышкой боли.— Ваше Высочество! Ох, святые небеса, она дышит! Она очнулась!Крик прозвучал прямо над ухом, заставив виски взорваться новой волной боли. Я с трудом разлепила тяжелые, словно склеенные веки — они поддавались медленно, с сухим шелестом, точно ржавые ставни.Надо мной нависал высокий сводчатый потолок, расписанный золотыми завитками, облаками и пухлыми, нелепыми ангелочками — румяными, самодовольными, с пухлыми щечками и безмятежными улыбками. Они взирали на меня сверху с таким олимпийским спокойствием, что в груди шевельнулась злость. Воздух вокруг был густым, тяжелым, удушливым — смесь запаха церковного ладана, приторных цветочных духов, пота и… чего-то еще. Едва уловимого, сладковато-горького аромата прелой травы, который не спрячешь ни за какими благовониями.Экстракт белладонны в сочетании с толченым корнем болиголова.Мой мозг, натренированный за пятнадцать лет распознавать угрозу за доли секунды, выдал диагноз раньше, чем я окончательно поняла, что со мной происходит. Классический дворцовый коктейль. Медленный, мучительный, вызывающий судороги, жар и отказ почек. Его обожают трусы, которые хотят, чтобы жертва угасала неделями, а придворные лекари могли с чистой совестью списать смерть на «слабое здоровье с рождения» или «дурную кровь». Никто не обвинит убийцу. Обвинят кровь. Обвинят родовое проклятие. Обвинят — меня.Я попыталась поднять руку, чтобы пощупать пульс на шее, и замерла.В поле зрения попала крошечная, синюшно-бледная ладошка с тонкими, словно птичьи косточки, пальчиками. Запястье было таким узким, что я могла бы обхватить его двумя пальцами. Это была рука ребенка. Семилетнего, от силы восьмилетнего истощенного ребенка,

на котором кожа натянулась, как пергамент.Меня захлестнула волна холодного, липкого ужаса — чувства, которое я забыла много лет назад. Никаких стальных мышц. Никакой выносливости. Никакой реакции. Ни малейшего запаса сил про запас. Я заперта в теле, которое едва способно удержать собственную голову. Но, как ни странно, под слоями этого ужаса уже разгоралась другая волна — холодная, спокойная ярость. Ненависть к тем, кто обрекает на такую смерть беспомощного ребенка. Она была выше меня ростом, эта девочка, и она умирала в муках, пока за стеной пировали.— Госпожа, милая моя, потерпите, сейчас станет легче, — над кроватью склонилась женщина лет сорока в строгом темно-сером платье и накрахмаленном белом чепце. Ее лицо выражало неподдельное, почти материнское сочувствие, глаза блестели от слез. Голос звучал мягко, бархатно, с той тщательно выверенной нежностью, которую оттачивают перед зеркалом.Любой другой поверил бы этой игре. Но я сама десятки раз надевала такую маску. Я смотрела не в ее полные слез глаза. Я смотрела на ее руки. Пальцы слегка дрожали — не от волнения, а от напряжения, как они дрожат у человека, который с трудом удерживает лицо и позу. На правой ладони, у основания большого пальца, краснел свежий химический ожог, а под коротко остриженными ногтями темнела едва заметная бурая кайма. Не земля. Растительный сок. Сок, который въедается в кожу и остается там надолго, сколько бы ты ни отмывал руки.— Пить… — прохрипела я. Голос прозвучал чужим — тонким, детским, надломленным и до жалости беспомощным. Внутри все заклокотало от ярости на собственную слабость: я, привыкшая к послушному, отточенному телу, теперь не могла даже выговорить одно слово без хрипа.— Конечно, Ваше Высочество, сейчас! — служанка метнулась к резному столику у изголовья, подхватила тяжелый серебряный кубок и торопливо поднесла к моим потрескавшимся губам. — Вот, лекарь Мартин велел поить вас этим отваром каждые два часа. В нем корень солодки и горный мед, они быстро изгонят лихорадку.Она наклонила кубок. В нос ударил знакомый сладковато-горький запах, но теперь к нему примешивался еще один оттенок — резкий, землистый, с легкой ноткой гнили. Жидкость внутри была мутной, с едва заметной радужной, маслянистой пленкой на поверхности, которая переливалась на свету всеми цветами радуги, как бензин в луже.Концентрат серой поганки или ее местного аналога. Они решили не ждать. Видимо, организм девочки оказался слишком живучим, и кто-то наверху приказал закончить дело к утру, пока во дворец не приехал кто-то важный. Если я сделаю хотя бы два глотка, через полчаса печень начнет разлагаться, а к рассвету по комнате поплывет трупный запах.— Не хочу… горько… — закапризничала я, вкладывая в голос максимум детского бессилия, и в ту же секунду «случайно» дернула слабой рукой, ударив по дну кубка.Серебро звякнуло о деревянный бортик кровати. Темная жижа выплеснулась на белоснежную шелковую простыню, мгновенно оставив на ткани бурое, шипящее пятно, от которого потянуло едким дымком. Ткань под пятном потемнела и съежилась.— Ах, да что же это такое! Неуклюжая девчонка! — в голосе «заботливой» няньки на долю секунды прорезалась такая лютая, звериная ненависть, что у меня по спине пробежал ледяной холодок. Но она тут же осеклась, судорожно сглотнула и снова натянула на лицо приторную улыбку, точно маску, — правда, держалась эта маска теперь криво, с трещинами. — Простите, Ваше Высочество, я сама виновата, плохо держала. Ничего страшного. Сейчас я принесу чистую простыню и заварю свежий отвар. Лежите смирно, не вставайте, у вас совсем нет сил.Она развернулась, подхватила кубок и почти бегом выскочила за дверь, тихо, но плотно прикрыв тяжелую дубовую створку. Снаружи еле слышно щелкнул замок — коротко, сухо, с тем же безразличием, с каким запирают склеп. Меня заперли.Тишина в огромной, мрачной спальне стала оглушительной. По стенам плясали длинные тени от догорающих в канделябрах свечей, вытягиваясь и корчась, как живые. За высокими стрельчатыми окнами, затянутыми тяжелым бордовым бархатом, глухо барабанил осенний дождь — ровный, бесконечный, словно кто-то отсчитывал время до рассвета. Или до утра, когда все должно закончиться.Я лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как в груди закипает холодная, концентрированная ярость. Вся моя прошлая жизнь вспыхнула

перед глазами — лица, улицы, чужие города, имена, которые я обещала забыть. Меня предали там, и теперь пытаются добить здесь, как беспомощного слепого щенка. Думают, что ребенок не поймет. Думают, что им все сойдет с рук. Думают, что смогут спокойно уснуть после этого — все они, от управляющего до скрипучей старухи в чепце.— Ну уж нет, — прошептала я в пустоту детскими губами. — Не на ту нарвались.Собрав в кулак всю волю, я заставила себя приподняться на локтях. Мир перед глазами тут же пошел кругом, к горлу подкатила тошнота, а в висках застучали молоточки. Тело весило тонну, мышцы дрожали от малейшего напряжения. Я перекинула тонкие, как спички, ноги через край высокой кровати и сползла вниз. Пятки коснулись ледяного каменного пола, прикрытого лишь тонким ковром, и по телу пробежала крупная дрожь — снизу, от самых стоп, до самого затылка.Ноги подкосились, я едва успела ухватиться за резной столбик кровати, чтобы не рухнуть на пол с грохотом, который сразу привлечет охрану или эту крысу в чепце.Дыши. Вдох носом, выдох ртом. Не паникуй. Паника убивает быстрее любого яда.Я заставила себя успокоиться. В голове мгновенно заработал холодный, отточенный годами алгоритм выживания — список действий, короткий и четкий, как приказы.Первое — детоксикация. Яд уже в крови, но часть его наверняка еще в желудке. Мне нужна вода. Много воды. В углу комнаты, на мраморном умывальнике, стоял большой фаянсовый кувшин. Я двинулась к нему, держась за стену, делая маленькие, бесшумные шаги. Каждый шаг отдавался тупой, ноющей болью в животе, но я лишь крепче сжимала зубы.Добравшись до умывальника, я обхватила тяжелый кувшин обеими руками — он показался мне неподъемным, словно вылитым из чугуна, — и припала губами к холодному краю. Вода была ледяной, отдавала железом, но я пила ее большими, жадными глотками, пока желудок не переполнился до отказа. Затем я подошла к ночному горшку за ширмой, сунула два тонких пальца глубоко в горло и надавила на корень языка.Меня вывернуло наизнанку. Желудок скрутило так, что из глаз брызнули слезы, а горло обожгло желчью. Я повторила процедуру трижды — пила воду, пока не начинало тошнить, и снова очищала желудок, пока не пошла чистая, прозрачная вода.Когда все закончилось, я сидела на холодном полу у ширмы, привалившись спиной к стене, и тяжело дышала. Тело колотило в ознобе, лоб покрылся липким потом, но туман в голове начал понемногу рассеиваться. Острая, режущая боль в животе сменилась глухой, терпимой тяжестью.Второе — сорбент. Мне нужен был древесный уголь. В другом конце спальни темнел широкий каменный камин, в котором еще тлели красные угли. Я поднялась, пошатываясь, дошла до очага, взяла каминные щипцы и вытащила на решетку несколько полностью остывших, черных головешек. Разломала их дрожащими пальцами, выбрала самую мягкую сердцевину и начала жевать, запивая водой из кувшина. На зубах противно скрипело, во рту стало сухо и горько, но я методично глотала черный порошок, как лекарство. Уголь свяжет остатки токсинов в кишечнике и выиграет мне несколько часов — несколько часов, которых у меня теперь не было.Третье — разведка и оружие.Я оглядела спальню уже совсем другими глазами — не глазами умирающего ребенка, а взглядом профессионала, зашедшего на вражескую территорию. Каждое окно, каждая дверь, каждая щель между досками пола мгновенно превратились в данные: пути отхода, слепые зоны, места, где можно спрятаться или нанести удар.Огромная комната была набита роскошным, но бесполезным хламом: гобелены, вазы, тяжелые подсвечники, шкаф с десятками шелковых платьев. Я подошла к высокому зеркалу в золоченой раме, вделанному в стену, и впервые посмотрела на свою новую оболочку.Из зазеркалья на меня смотрела худенькая, бледная как мел девочка лет семи с длинными, спутанными светлыми волосами и огромными, ввалившимися серыми глазами. Под глазами залегли глубокие синие тени, губы потрескались и покрылись коростой, ночная рубашка висела на острых плечах, как на вешалке. Хрупкая. Беспомощная. Идеальная жертва — та самая, которую легко убить и легко оплакать.Но в этих огромных серых глазах не было ни капли детского страха или растерянности. В них горел холодный, тяжелый взгляд тридцатишестилетнего наемника, который только что вернулся с того света — и явился домой не с поникшей головой, а с гото-

вым планом мести.— Значит, теперь я принцесса, — тихо сказала я своему отражению, криво усмехнувшись. — Что ж, посмотрим, кто кого здесь переживет.Внезапно за тяжелой дубовой дверью послышались торопливые, тяжелые шаги. Не женские. Шли двое или трое. Донесся приглушенный мужской голос, полный нетерпения:— Ты уверена, Марта, что она выпила все? Лекарь сказал, если до утра не кончится, завтра приедет герцог, и тогда наши головы полетят первыми!— Успокойтесь, господин управляющий, — раздался вкрадчивый, лицемерный голос моей служанки. — Я сама видела, как она сделала три больших глотка, а остальное пролила в бреду. Ее уже трясет, глаза закатываются. Еще час — и можно звать священника.— Отлично. Идем, проверим.Ключ с громким скрежетом повернулся в замочной скважине.У меня было ровно три секунды. Я метнулась к кровати, буквально нырнула под тяжелое одеяло, натянула его до самого подбородка и закрыла глаза, заставив тело обмякнуть, а дыхание стать прерывистым, поверхностным и хриплым. На тумбочке у самой кровати лежал тяжелый серебряный нож для вскрытия писем. Тупой, конечно, но если ударить снизу вверх прямо под челюсть — войдет как в масло.Дверь со скрипом отворилась, впуская в комнату полосу яркого света из коридора и запах жареного мяса с кухни — резкий, сытый, издевательски уютный. Я лежала неподвижно, приоткрыв один глаз на долю миллиметра, и ждала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.